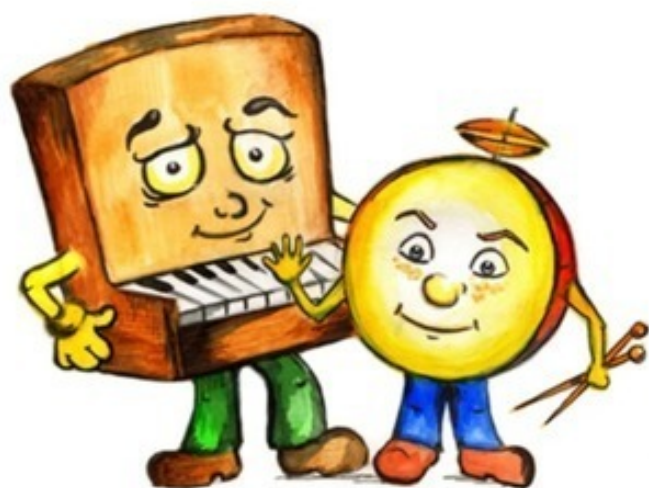

Соната

для Пина и Бара

Юлия
Власова

Юлия Власова

Соната для Пина и Бара

«Издательские решения»

Власова Ю. А.

Соната для Пина и Бара / Ю. А. Власова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-741799-4

Бар и Пин жили-поживали в стране Музыкальных инструментов. И горя не знали, пока их друга Рояльчика не выгнали из оркестра. Рояльчик расстроен, и ему нужен Мастер. Один только Мастер способен вернуть его к музыкальной жизни. И Пин с Баром берутся проникнуть в мир Людей, чтобы Мастера отыскать. Ох, если б они только знали, что им придется перенести, прежде чем достигнуть цели!

ISBN 978-5-44-741799-4

© Власова Ю. А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1, в которой...	6
Глава 2, в которой...	10
Глава 3, в которой...	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Соната для Пина и Бара

Юлия Андреевна Власова

Иллюстратор Ольга Сергеевна Черепович-Калиненко

Дизайнер обложки Ольга Сергеевна Черепович-Калиненко

© Юлия Андреевна Власова, 2017

© Ольга Сергеевна Черепович-Калиненко, иллюстрации, 2017

© Ольга Сергеевна Черепович-Калиненко, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4474-1799-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Власова Юлия Андреевна

СОНАТА ДЛЯ ПИНА И БАРА

Художник – Ольга Черепович-Калиненко

Сказочная повесть для детей от 6 до 100 лет

Глава 1, в которой...

...буфеты города Соль терпят значительный убыток

– Пусть мои клавиши рассыплются в порошок, если этого выскочку не поставят на место! – в сердцах воскликнул Пин и со всего размаху уселся на табурет. Табурет заскрипел, но выдержал.

– Чего это ты с утра не в духе? – поинтересовался Бар, начищая перед зеркалом свои позолоченные тарелки. Когда Бар ходил, они качались и легонько бряцали у него на голове. – Звенишь, как расстроенные цимбалы.

– Репетиция длилась всю ночь. И мало того, что дирижер отчитывал нас за огрехи, так еще и Рояльчик невесть кого из себя строил. Знаешь, что он заявил? Он сказал, что в оркестровой яме держать партию гораздо важнее, чем на сцене. Потому что участников оркестра не видно, и внимание зрителя целиком сосредотачивается на звуке!

– Ну, и правильно он сказал, – отозвался Бар. – Вы напрасно завидуете Рояльчику. Пусть он сейчас на сцене, но ведь никто не поручится, что он пробудет там вечно. Однажды нам всем придется с треском провалиться.

– Решил примерить на себя роль философа? Не выйдет, это моя роль, – усмехнулся Пин. – Ладно, я больше не злюсь. Вот дай только выпить стаканчик «антимоля»...

Оперный театр

В музыкальной стране Афимерод... Нет, не так. В музыкальной стране под названием Яльлосафим... Ох, опять не то. Никогда со мной такого не случилось, чтобы пот градом лил уже на первых строчках. Понимаете, какая штука: мой приятель Пин (а полностью – Пианинчик) ни за что не станет читать повесть, если увидит, что его родину назвали в басовом ключе – Яльлосафим. А Бар, тоже мой закадычный друг (его полное имя Барабанчик), сочтет меня последним предателем, если обнаружит, что страну музыкальных инструментов обозвали Афимеро-

дом (в скрипичном ключе). Пин и Бар по этому поводу ссорятся регулярно, каждые несколько дней. Удивительно, как при подобных обстоятельствах они еще уживаются под одной крышей!

В общем, думаю, никто не обидится, если впредь я буду вести рассказ о Стране Музыкальных Инструментов. Итак, в этой стране, в городе Соль, жили да поживали (не всегда дружно) ... сами знаете кто. Разные Скрипки, Виолончели, Арфы, Гитары и прочий народ. А также единственный и неповторимый злющий Треугольник.

Порой, когда сезон концертов и выставок подходил к концу, они расслаблялись и величали друг друга не иначе как:

– Эй, ты, Струнный!

– Эй, ты, Духовой!

– Эй, ты, Удар...

Ударные фамильярности в свой адрес не терпели. У них не было жил и, тем более, крови, но всё-таки что-то в них такое бурлило. Что-то боевое. В их число входил и Бар. Если кто-нибудь позволял себе колкость по отношению к нему или к его кузенам Литаврам, он тотчас пускал в ход барабанные палочки, и тарелки у него на голове начинали угрожающе позванивать.

Но, в большинстве своем, жители музыкальной страны были вполне миролюбивы. Разве только старый Баян, подвыпивши, становился чересчур прямолинейным и резал правду в глаза каждому встречному.

Музыкальные инструменты были охочи до импровизации. Они импровизировали днем и ночью. И лишь в оркестре Оперного театра импровизировать запрещалось. Оркестрантов держали в черном теле.

– Мы не оркестранты, а настоящие арестанты, – возмутился Гитарчик, который не мыслил себя без бардовских песен.

Но мало того, что за самодеятельность наказывали, так существовало еще и неравенство: тех, кто выступал на сцене театра, холили и лелеяли, а вот тех, кто работал под сценой и за кулисами, не ценили ни на грош. Вернее, так считали сами «обитатели» закулисья. «Обитатели» оркестровой ямы (или просто Ямы) мыслям предпочитали действие.

– Свергнуть Рояльчика! Свергнуть Рояльчика! – скандировал злющий Треугольник во время одного из антрактов. Скрипки и Виолончели нарочно создали в Яме шум, чтобы дирижер не услышал бунтарей. Треугольнику вторили. Треугольника уважали. К мятежникам примкнул даже Пин, хотя клавишные инструменты искони считались элитой. И к тому же, где это видано, чтобы клавишный восставал на клавишного?!

Ох, как Рояльчика ненавидели! Его презирали за то, что он красуется на подмостках. Ему завидовали оттого, что он белый, начищенный и громкий. А Рояльчик всех любил. Он свято верил, что все до единого сладкозвучны и что ничьи струны не могут лопнуть от злости. Добрый и успешный. Семейство Роялей могло бы им гордиться...

После очередной репетиции Пин вернулся домой с каким-то настораживающим блеском в глазах.

– Долой рабовладельческий строй! Хотим равноправия! – с порога сказал он.

– Если кто из нас и раб, то уж точно не ты, – заметил Бар. – Вон мне сегодня так вкалывать пришлось – о-го-го! Проверка баров – это, знаешь ли, не сахар. Я полгорода с бумагами оббегал. Устал, как набат при стихийном бедствии.

– Мы свергнем устои Оперы и напишем свою пьесу. Отныне Рояльчику не жить! – захотел Пин, и струны у него внутри напряженно загудели.

– Даже не думай об этом! Я знаком с Рояльчиком, и заявляю с полной уверенностью: он кристальной души инструмент. Если вы его обидите, я... Я... Уеду жить в провинцию! В город Ре!

Пин оторопел.

– Неужто уедешь?

– Слово Барабанчика нерушимо! Раз сказал, значит, так и сделаю.

– Ну, а я поступлю по-своему, – заупрямился Пин. Он сыграл минорный аккорд и протянул руку к буфету. Когда он был недоволен, он частенько налегал на бутерброды с фетром.

Когда на следующий день Пин пришел к «товарищам по несчастью», дирижера еще не было. В Яме царило упадочное настроение, и только злющий Треугольник странно улыбался.

– Запаздывает, – хмуро заметила какая-то скрипка, осматривая свой смычок. – Больно запаздывает. Ты, Пин, его случайно не видел? У нас в городе лишь один такой тощий дирижер. Как он вообще до сих пор не сломался?!

– Слишком много слов, дорогая Скри, – отозвалась из темного угла виолончель Четыре-Струны. – Не всякая тросточка способна управлять симфоническим оркестром.

– А только та, которая мнит себя шибко талантливой, – ядовито сказал Треугольник, не переставая улыбаться. – Сегодня на концерте, друзья мои, справедливость восторжествует.

Он бросил косой взгляд на Рояльчика, который дремал у края сцены.

– Сегодня хвастуны и фанфароны на своей древесине ощутят, каково это – потерпеть неудачу.

– Что ты задумал? – хором воскликнули флейты. А робкая флейта Флажолет от страха издала звук, похожий на уханье совы.

– То, что я задумал, я уже исполнил. Нам предстоит презабавный концерт, – гнусно прохихикал Треугольник и занял свое место среди оркестрантов.

Зрителей в театральном зале всё пребывало. Именитые Арфы шелестели разноцветными лентами и мелодично переговаривались с соседями. Упитанный желтый Барабан с оранжевым приятелем Виллом спорили о происхождении нотной грамоты. Виолончель Вилл утверждал, что ноты изобрели еще до возникновения письменности.

Старому контрабасу по кличке Гамба приходилось слушать такие разговоры изо дня в день, и он уже выучил их наизусть. Осторожно выглянув из Ямы, Гамба поежился.

– Брр! Сколько роскоши и суеты! Нет, не по душе мне эти выступления. На пенсию пора, на пенсию...

Наконец явился запыхавшийся дирижер, вернее, дирижерская палочка Баккетта. Вид у Баккетты был такой, словно его основательно поваляли в пыли. Зато глаза его сверкали задором – он предвкушал успех и бурные овации.

Гамба забасил первым. Его партию уверенно поддержала виолончель Четыре-Струны, а потом к ним подключились флейты и валторны. Вот-вот должен был вступить Рояльчик. Никто из Ямы не обратил внимания на то, как он хмурится и что-то осторожно проверяет под крышкой. Только дирижер Баккетта неодобрительно поморщил нос.

Пин и думать забыл о заговоре против Рояльчика. Он целиком «ушел» в свои диезы и бемоли и опасался лишь того, что споткнется в решающий момент. Зрители в зале затихли совершенно. Эта благоговейная тишина отчего-то всякий раз нагоняла на Пина страху.

Когда подошла очередь солиста, Баккетта застыл, точно его заморозили, и в испуге устоялся на Рояльчика. Тот не мог издать ни звука, и в его мимике было столько выражения, что самые сметливые зрители подумали, будто здесь играют пантомиму. Рояльчик старался изо всех сил, но клавиши его не слушались. Дирижер, казалось, вот-вот свалится в обмороке. А злющий Треугольник торжествовал победу.

Вечером, после выступления, Рояльчика выдворили из театра, и многие из Ямы предрекали, что теперь путь в искусство для него закрыт навсегда.

Этим вечером Пин не вернулся домой. Он хорошо помнил слова Бара: «Если вы его обидите, я уеду».

«Уедет, – потерянно думал он. – Бар уедет, и я останусь один-одинешенек».

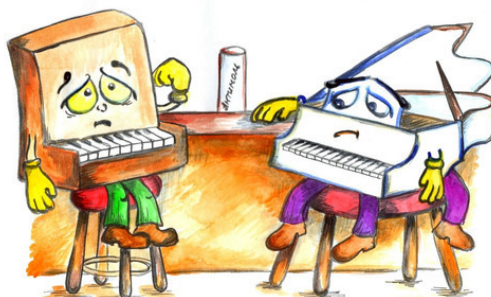
Сегодня вечером домашний буфет Пина избежал горькой участи, потому как опустошенный буфет – зрелище жалкое. Да и к тому же, зачем уничтожать собственные припасы, если в городе полным-полно закусовых? И почти в каждой предоставляют неограниченный кредит. А расплатиться за бутерброды с фетром можно и потом.

Глава 2, в которой...

...оперный оркестр лишается еще одного участника

Пин уныло брел вдоль магистрали, мимо столетнего парка с долговязыми осинами. Этот парк был таким же мрачным и безжизненным, как музыкальная душа Пина. Его мучили угрызения совести. Если бы он отказался поддержать Треугольника, если бы сумел настроить товарищей против злодея, Рояльчику не пришлось бы с позором покинуть театр. Ведь Рояльчик не так уж плох. На самом деле он никогда не задирал нос и говорил лишь то, что сказал бы на его месте любой другой. Оркестранты попросту завидовали ему. А Пин? Он был уверен, что Рояльчик приходится ему или троюродным, или четвероюродным, или сколько-нибудь-юродным братом. Они же Клавишные! А Клавишные славятся взаимопомощью. Клавишные никогда не ударят исподтишка. Пину страшно хотелось забыться.

На противоположной стороне дороги мигали вывески, светились витрины с модными запчастями. Всеми цветами радуги переливался рекламный щит с изображением бутылки полироля. Пин уже успел под завязку наесться фетра, а потому тащился, еле-еле переставляя ноги. Он кое-как перешел дорогу, по которой неумоимо носились на электромашинах Фаготы-лихачи, и заглянул в кафе. Это кафе приманило цветными огоньками уже достаточное количество посетителей, и Пин едва нашел себе место за барной стойкой. Рядом кто-то крупногабаритный щедро заправлялся антимодем, время от времени издавая ужасный скрип.

Пин и Рояльчик за кружкой антимоля

– Я подавлен! О, как я подавлен! – с натугой просипел незнакомец. И тут Пин понял, что судьба никогда не позволит ему играть в прятки. Она любит сталкивать нос к носу тех, кому нечего друг другу сказать, но которых так и тянет на откровенность. Незнакомцем был не кто иной, как Рояльчик.

– Мне жаль, что всё так вышло, – проронил Пин, барабаня пальцами по своей запылившейся крышке. – Но я знаю, кто виноват в твоей беде.

– А, это ты, дружище?! Как я сразу тебя не заметил? – прошептал Рояльчик, опрокинув еще одну кружку антимоля. – Послушай, я не хочу знать имен. Ведь это всё равно ничего не изменит. Лучше давай, присоединяйся ко мне. Мы отпразднуем сегодняшний день на славу!

Они пили и производили сильный шум до тех пор, пока у хозяина кафе не истощилось терпение. Матерый Ксилофон со зловещными глазками вышиб их своей ножицей прямо на тротуар и пригрозил, что в следующий раз вызовет отряд Саксофонов из музыкальной тюрьмы.

– Ну, мы с тобой наделали долгов, приятель, – хрипло проговорил Рояльчик. – Теперь нас даже работа в Оперном не спасет.

– Верно, – согласился Пин. – Мы выхлебали столько антимоля, что никакая моль и на километр к нам не подлетит.

– А я, к тому же, и расстроился, – продолжал тот. – Мне бы настройщика. Да только где хорошего настройщика найдешь? Один лишь Мастер способен вернуть мне силы.

– Что еще за Мастер? – сощурился Пин.

– А ты слышал когда-нибудь про Людей? – шепотом, словно бы для пушей таинственности, спросил Рояльчик. – Среди них встречаются Мастера. И они делают... нас.

– Сказки! – буркнул Пин, с трудом удерживаясь, чтобы не завалиться на бок. – Мы появляемся из дупла Кряжистой Сосны в дни летнего и зимнего солнцестояния. Все это знают. Я бы не забивал себе голову чепухой насчет Мастеров.

Они вразвалочку шагали по бульвару Гармонии, долго и с упоением споря о существовании Людей. Рояльчик заикался и невнятно бормотал. Он непременно хотел отыскать своего Мастера. А Пин рассеянно глядел по сторонам, шатался, а один раз чуть было не полез в драку со своим отражением в витрине магазина. Хотя по натуре он был весьма спокойным и философски настроенным фортепиано.

Когда на следующее утро он пришел в театр, в глазах у него немножко плыли декорации, а левая педаль по непонятной причине заедала. Стало известно, что на освободившуюся должность солиста взяли новый рояль. Он был чванливый, как сотня разнеженных королей. «Обитатели» Ямы пребывали от этого далеко не в восторге, и никто даже не поприветствовал Пина. Ирландская Волынка сидела надувшись, скрипка Скри нервно пощипывала свои струны, а контрабас Гамба сновал по Яме в поисках клея – у него опять что-то не ладилось с усами.

– Говорят, Он спесив и не терпит пререканий, – шептал Флейте Гобой. – Уж с ним мы точно наплачемся.

– Клей, у вас не найдется клея? – шумел Гамба, топоча, как стадо носорогов.

Тут наверху кто-то кашлянул. А потом еще и еще раз. Пин осторожно поднял глаза на сцену. Там, во всём своем блистательном великолепии, возвышался Рояль, которого оркестранты уже успели прозвать Павлиньим Хвостом.

– Лопни моя резонаторная пластина, если подо мной не сборище третьесортных инструментов! – воскликнул Павлиний Хвост, хлопнув огромной черной крышкой. Инструменты мгновенно заметили разницу: у Рояльчика крышка была белая. И он не позволял себе утробно хохотать, как хохочет сейчас этот.

Сегодня оркестр разбирал новую программу.

– Работайте, работайте! – взвизгивал дирижер. – Премьера не за горами!

Павлиний Хвост вел себя исправнейшим образом, однако у всех без исключения после репетиции остался необъяснимый осадок. Новый рояль играл грузно, как играют похоронные марши, и в его партии время от времени проскакивали неприятные обертоны. Струны внутри его чугунной рамы угнетающе вибрировали, что напоминало Пину о самых безрадостных минутах в его жизни.

Домой он вернулся удрученный донельзя. И обнаружил записку. В записке говорилось следующее:

«Ваше поведение непростительно.
Уехал в город Ре.
Ужин в холодильнике.
Бар».

По большому счету, этого и следовало ожидать. Бар никогда не отступался от своих слов.

На ужин Пин съел немного древесной стружки, закусил шелком и примостился в уголке. Перед сном он обыкновенно упражнялся, поигрывая гаммы и этюды. Сегодня его этюд получился скомканным, неровным и больше походил на джаз. Сон никак не шел. Пин всё припоминал слова Рояльчика, припоминал и размышлял:

«Рояльчик говорил, что Мастера очень трепетно относятся к своим творениям. И если однажды он найдет своего Мастера, между ними навеки установится крепкая, нерушимая дружба».

Пин проиграл арпеджио на правой педали и, пока затихало звучание аккорда, он думал, думал, думал. А потом снова играл – и снова думал. И мысли у него были путанные и бесцветные.

Он проснулся гораздо раньше, чем просыпаются неугомонные Дудуки и начинают заунывно свистеть верхом на водосточных трубах. Солнце без тени смущения полыхало на востоке. Ну, еще бы ему смущаться! Оно же не играет в каких-нибудь оркестрах. Его музыку не оценивают все, кому не лень. Светит себе и светит.

«На репетиции вполне справятся и без меня», – внезапно решил Пин. Очень уж погожий выдался денек. О, если бы можно было взять и запихнуть солнце в темную оркестровую Яму!..

Он накопил кучу всяких вкусностей, пчелиного воска, проволоки и отправился со всем этим скарбом в гости к Рояльчику. А Рояльчик, как выяснилось, слег. Причем без надежды на скорейшее выздоровление.

– Как же тебя так угораздило? – ахнул Пин. – Ты на себя не похож!

– Я разваливаюсь на части, – прохрипел тот, и его струны зарыдали каждая на свой лад.

– В таком состоянии ты не можешь искать Мастера, – резонно заметил Пин. И, не задумываясь, добавил: – С этой задачей я вполне мог бы справиться сам.

Действительно, что ему терять? Бар уже, наверное, на полпути в свою «провинцию», а дом в отсутствие хозяев послужит пристанищем для бедняков: кого-нибудь вроде подгулявшего Баяна или громкоголосой, сварливой Бандуры.

– Я слышал, в городе Ре живет мудрец, – откашлявшись, проговорил Рояльчик. – Он знает, как попасть в мир Людей. Зовут его Клавикорд Пизанский.

– В городе Ре? – переспросил Пин. «Какое совпадение! – подумал он. – И какая удача, что Бар отправился туда же!»

Он поплотнее обвязал Рояльчика шерстяным шарфом, наказав ему откусывать от шарфа по кусочку, по ниточке. Поставил сумку с проволокой у окна и еле сдержался, чтобы клятвенно не пообещать найти Мастера в ближайшие несколько дней. Всё-таки пара-тройка дней для таких грандиозных поисков – срок маловатый.

Путешествие намечалось из ряда вон выходящее. И уж не пойму как, но Дудуки, которые поют на водостоках, прознали о нем раньше, чем кто-либо еще. Даже раньше, чем любопытные соседи Рояльчика. Эти «ранние пташки» рассвистели о походе в мир Людей на весь город, и когда Пин поравнялся с оградой своего домика, то не на шутку удивился. У плетня толпилось несметное число музыкальных инструментов. И все что-то пищали, бренчали, трубили. Большой желтый Барабан самозабвенно барабанил по собственной голове и, по-видимому, получал от этого занятия немалое удовольствие.

– Мне говорили, за границей продают качественный клей! – гремел старый контрабас Гамба. – Будь другом, привези три бочонка!

– А я слышала, у них производят стойкий лак! – визгливо кричала какая-то скрипка.

– И мне лаку, и мне лаку! – несло из толпы.

– Не сочти за труд, купи мне новые струны! – выкрикивал Гитарчик, который любил бардовские песни.

Пин быстренько нырнул в дом, захлопнул дверь и заперся на все засовы.

– Вот приставучие! – посетовал он. – Придется выдвигаться поздно ночью, чтобы не вздумали меня сопровождать. Иначе этот парад протянется за мной до самой городской черты.

Бесстыжее солнце сияло на небосводе и никак не желало спускаться за горизонт. Остаток дня Пин провел за сбором багажа, припрятыванием ценностей на заднем дворе и сочинением объявления. Объявление гласило, что дом становится приютом для нищих до возвращения владельцев.

Когда он с котомкой за плечами выглянул на крыльцо, листву садовых деревьев ворошил теплый ветерок, а в черной выси мягко мерцали звезды. Уютно горели окошки домов, у кого-то из печной трубы валил густой дым. Стояла такая тишина, что было слышно, как зевают Саксофоны из патруля.

«Верно изрек мудрый Орган: как путь начнешь, так его и закончишь. Значит, начинать следует без спешки», – рассудил Пин и двинулся вперед, по мощеной камнем дорожке.

Глава 3, в которой...

...Бар рискует попасть под колеса

Поезда в город Ре ходили каждый час. Они гудели и жужжали, как настоящие поезда из мира Людей, только Пин об этом пока не знал. Ему пришлось напрячь ноги и порядочно пробежать, прежде чем заскочить в последний вагон уходящего состава, где расположилась громкая компания Гитар. Они нестройно брэнчали и хором пели дорожные песни. А когда вагон кренился и раскачивался на поворотах, они тоже раскачивались, дружно обнявшись. И фальшиво голосили:

Дрожи, струна, родная,
Мы уезжаем прочь!
Звени, звени, седая.
Осеребри нам ночь!

Пин залез на заднее сидение и уставился в почерневшее окошко. Пролетали мимо рогатые кустарники, с характерным шумом убегали назад оплетенные проводами электрические столбы. А деревья молчаливо провожали путников растопыренными ветвями. Пин сам не заметил, как прикорнул. Новая песня, которую затянули Гитары, была похожа на колыбельную и здорово усыпляла. В преддверии сна ему отчего-то вспомнилось море Фортиссимо, что на юго-востоке страны. Какие свирепые там были шторма! Как бушевало море в непогоду! И какой покой устанавливался внутри, когда ты смотрел на вздымающиеся волны. Наверное, во всей стране Афимерод не сыщется более умиротворяющего места.

«Наверное, во всей стране Яльлосафим не сыщется более упрямого и медлительного ишака», – с негодованием думал Бар, понукая тощего, костлявого осла. Стояла глухая ночь. Впереди простиралась широкая глиняная дорога. Огни города Ре светились где-то там, в недосягаемости, и Бар уже успел тысячу раз пожалеть, что сгоряча «упорхнул» из теплого, насыщенного гнездышка.

Бар с ослом среди кактусов

Ослom он обзавелся совершенно случайно и, к тому же, против своей воли. А началось всё с тарелок. Видите ли, дело в том, что тарелки на голове у Бара, также против его воли, бились одна о другую и постоянно дребезжали. А в пустыне, по которой ехал Бар, жили ужасно нервные бандиты. До того момента, как его остановили, он был счастливым обладателем красного автомобильчика на упругих шинах и тихонько насвистывал песенку: «Ох, вы палочки ударные, барабанные мои!». Его тарелки весело позванивали, что довело одного из бандитов до белого каления. Этот бандит устроился у огромного валуна рядом с дорогой, собираясь вздремнуть после утомительного ночного погрома. Но только он сомкнул глаза, как вдруг – нате вам – дребезг! Он выскочил из-за валуна, точно ошпаренный петух, и бросился на автомобильчик с таким воплем, как будто машины уже давно сидели у него в печенках. Бар приготовился защищаться. Но он слишком долго раздумывал: оглушить ли противника барабанным боем или попросту использовать кулаки. Когда он, наконец, решил в пользу барабанного боя, то обнаружил, что катится по песку в неопределенном направлении, а разбойник усердно ломает его автомобильчик.

Этот разбойник звался Одноглазый Ксилофон. В свое время его исключили отовсюду, откуда только можно было исключить, потому что его вечно что-нибудь раздражало. А раздражение свое он скрывать даже и не думал. Не нравился ему, к примеру, школьный звонок, так он лез на стену, вырывал звонок со всеми проводками и потом яростно топтал его на полу. Одноклассники в музыкальной школе страшно боялись вывести его из себя, ибо тогда он становился неуправляемым. В такие минуты из его единственного глаза сыпались искры, и не какие-нибудь, а настоящие. Старушка-ксилофоница, у которой он снимал комнату, выгнала его, когда он случайно спалил ее курятник. А однажды, по его милости, сгорел дом музыкальных собраний.

В общем, Одноглазый Ксилофон был типичным изгоем. Даже в разбойничьем притоне его побаивались. Однако, при всех его бандитских достоинствах, у него имелся один крупный

недостаток: Одноглазый Ксилофон не сразу понимал, откуда исходит звук. Это-то и спасло Бара. Когда он откатился на порядочное расстояние и застрял макушкой в песке, то предпочел не шевелиться. Его тарелки испуганно замолкли, что им надлежало сделать гораздо раньше. Бар был вне себя от злости. Как он продолжит путь? Ведь, кроме разбойников, в пустыне живут дикие звери, таятся в земле смертельные воронки и бездонные дыры! Свернешь с дороги – и твоя песенка спета. А ему рано или поздно придется свернуть, чтобы не попасться в лапы к злодеям.

Скрестив руки и метая рассерженные взгляды в сторону Одноглазого Ксилофона, Бар торчал из земли, как куст, ногами к звездам. Торчал и злился. С дороги до него доносился скрежет, криканье клаксона и ругань, от которой у диких зверей, бродивших по округе, шерсть вставала дыбом. Все звуки вместе составляли чудовищную какофонию. Неудивительно, что другой бандит по кличке Дырявый Камыль, у которого был тонкий, музыкальный слух, разнервничался и поспешил надавать Ксилофону тумаков. С собой он прихватил целую банду.

Ну и заваруха тут началась! Искры теперь сыпались из глаз у всей честной компании. Поднялась пыль, слышались ожесточенные крики. Дырявый Камыль дубасил по Одноглазому Ксилофону, как ни один ксилофонист в мире. Разбойник Сурнай, который всегда был не прочь пересчитать косточки своим друзьям, истоково колотил Дырявого Камыля отвалившейся выхлопной трубой, когда тот давал себе передышку. Еще трем злодеям вздумалось заняться дележом машинных запчастей, и на этой почве у них разгорелась ссора. Бар получил поистине королевское наслаждение, наблюдая за сварой издалека. Его, к счастью, никто не заметил. Когда пыль улеглась, а разбойники разбрелись восвояси, он перекатился на ноги, выбил песок из ушей и на цыпочках подкрался к дороге. От его начищенного автомобильчика остались лишь винтики да гайки. Утащили даже колеса.

– Погодите-ка... – Бар прислушался.

Если кто-то скажет, будто музыкальные инструменты не имеют понятия о том, что такое мороз по коже, он сильно ошибётся. Потому как Бар был сделан из настоящей телячьей шкуры. И сейчас он явственно ощутил, как по его спине побежали мурашки.

Кто-то хрустко топтался совсем рядом с ним. И тихонько постанывал. Тот, кого Бар поначалу принял за очередного бандита, оказался всего-навсего ослом. Причем ослом, основательно замороженным и истощенным. Удивительно, как он до сих пор не издох.

– Откуда ты такой взялся? – изумленно спросил Бар. – Неужто разбойнички?..

Тут он вспомнил, что один из негодеев (среди своих он, вероятно, считался чудачком) приехал верхом на осле. И точно, на шее у ишака болталась деревянная табличка, на которой значилось: «Собственность Сурная. Кормить морковкой строго по расписанию».

Бар решил не углубляться в выяснение вопроса, откуда в пустыне морковка. Одно он знал абсолютно точно: на морковке далеко не уедешь. А сухими травами да кактусами, каких в пустыне росло предостаточно, сыт не будешь. Бар похлопал осла по спине.

– Я-то продержусь без воды и еды хоть год, а вот ты... Ты уже одним копытом, почитай что, в могиле.

Сначала он тянул осла за уздечку, однако результатов это не принесло. Упрямая скотина упиралась и редела, точно ее вели на убой. В конце концов, уздечка не выдержала и порвалась. Бар на ее месте сделал бы то же самое. Если бы не жалость, он бы уже бодро шагал к городским воротам... Или послужил бы обедом какому-нибудь голодному шакалу. Если что и отпугивало диких тварей, так это, наверное, ослиный рев. Он и на рев-то похож не был. Ну, точь-в-точь пароходная сирена!

В город Ре Бар отправился не из пустого каприза. Там у него жила сестренка Дойра, которая отличалась непоседливостью и с каким-то болезненным рвением выискивала чудеса в обыденных мелочах. Ей совсем недавно исполнилось сто лет – по человеческой мерке все равно, что десять. В таком возрасте все порядочные Дойры уходят из дому и начинают стран-

ствовать – а она не ушла. Бросают вызов устоявшимся обычаям – а она не бросила. Бар в ее годы уже гордился своей самостоятельностью, а что она? Она по-прежнему сидит в ногах у своей матушки и играет с тряпичными куклами. Капли росы на листьях Дойра называла слезами Царицы-Ночи. А круги на глади пруда принимала за сигналы бедствия, обращенные исключительно к ней, и нередко в таких случаях бросалась в воду, чтобы освободить «дух пруда» из плена. В общем, Бар совсем не горел желанием встретиться с нею снова. Но он и без того слишком долго не навещал свою семью. Он знал: первым делом его пристыдят и нотаций прочтут на десяток лет вперед. А потом дед-старожил примется за семейные альбомы с фотографиями. Станет расписывать, каким был отец Бара, когда уходил на войну, в мир Людей. Бар часто слышал от деда о мире Людей, но никогда не принимал его слов всерьез. Басни, думал он, басни – и ничего больше. Ведь с войны его отец так и не вернулся, и Бар подозревал, что от него просто скрывают позорную истину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.